

Сюй Хао, лежа на носилках, всё ещё смутно думал, что по всем правилам и нормам он должен был поблагодарить Янь Цзэ за сегодняшнюю ситуацию.

Однако, когда Сюй Хао провёл день в больнице, чтобы восстановиться, и отправился в палату Янь Цзэ, тот уже исчез.

Вопросы о том, насколько серьёзно был ранен Янь Цзэ, остались без ответа. Никто в больнице не мог дать точной информации, и ни о чём конкретном узнать не удалось.

Блокнот, книги и рюкзак Сюй Хао не пропали, их позже вернули полицейские, но два нарукавника из его школьной куртки исчезли, вероятно, потерялись во время драки.

Позже, когда Сюй Хао уже заказал билеты на самолёт и толкал багаж в направлении международного терминала, царапина на его ноге ещё не зажила полностью, оставив шрам длиной около двадцати сантиметров.

Но в душе Сюй Хао царил радость, и эта мелкая травма казалась ничтожной по сравнению с предстоящим ему путём обучения.

Только перед самым взлётом Сюй Хао неожиданно вспомнил: о чём же так печалился Янь Цзэ в тот день драки?

Вряд ли он плакал из-за драки.

Когда самолёт пробил облака, Сюй Хао встретил золотой свет солнца.

Всё вокруг принадлежало будущему.

Конец юношеской части.

Пять лет спустя.

США, Пенсильвания.

Филадельфия.

Как пятый по величине город в США, Филадельфия обладает всеми чертами экономически развитого мегаполиса: толпы, суета, пробки.

Но как один из самых старых городов страны, он также чист, с ясным небом, красивой архитектурой, разнообразной кулинарной культурой и насыщенной художественной атмосферой.

Это город, сочетающий в себе древность и жизненную энергию.

Андре любил Филадельфию не только за её красоту, но и за её аутентичность.

Цены здесь были более приемлемыми по сравнению с такими мегаполисами, как Нью-Йорк или Лос-Анджелес, еда в кампусе была вкусной, и, конечно же, ночная жизнь здесь никогда не заканчивалась.

Андре шёл по улице, держа руки в карманах. Свободные граффити, как плющ, покрывали стены зданий в каждом районе, а облака клубились в небе. Андре бежал через университетский квартал и вскоре оказался у высокого студенческого общежития.

Андре обладал типичными чертами итальянца: высокий рост, каштановые кудри, выразительные черты лица и чарующие зелёные глаза. Его горячий характер и общительность сделали его объектом множества слухов во время учёбы в Пенсильванском университете, а некоторые из его романов до сих пор обсуждались среди студентов.

Сегодня Андре был рад не только потому, что только что вернулся из двухнедельного путешествия на Гавайи, где познакомился с двумя французскими красавицами, но и потому, что его лучший друг из университета вернулся в Филадельфию из Нью-Йорка.

И сейчас он находился в этой самой квартире.

Напевая мелодию, Андре поднялся на лифте до 19-го этажа, нашёл нужную дверь и несколько раз нажал на звонок, чтобы показать, как сильно он хочет увидеть друга.

Через некоторое время дверь открылась.

На пороге стоял азиатский мужчина лет двадцати трёх-четырёх, ростом выше среднего для азиатов, почти наравне с Андре, с приятной внешностью, которую можно было назвать привлекательной. На нём была чёрная водолазка и серые брюки, рукава закатаны до локтей, одна рука лежала на дверной раме. Увидев Андре, он произнёс на беглом английском практически без акцента:

— Андре, спустя столько лет, ты всё так же оригинально звонишь в дверь.

Андре обнял азиата и радостно воскликнул:

— Хейл, мой друг, наконец-то ты вернулся! У меня для тебя хорошие новости!

Азиат, которого звали Хейл, улыбнулся и ответил:

— Не думаю, что они могут быть лучше тех, что я принёс.

После объятий они вошли в квартиру. Андре, как старый знакомый, достал из шкафа бутылку виски, налил в стаканы и подошёл к панорамному окну. Вид на реку был великолепен, весь город простирался перед ними. Андре сделал глоток и сказал:

— Неудивительно, что ты не хочешь переезжать. Это место действительно шикарно.

Его друг уже направился в спальню, сказав:

— В комнате немного жарко, надеюсь, ты не против, если я переоденусь. Я только что вернулся, а ты уже здесь, как всегда оперативно.

Андре рассмеялся:

— Я как раз был неподалёку, обедал, а тут твой звонок. Так что, пока ты не выходишь голым, всё в порядке.

С этими словами он продолжил осматривать интерьер.

В целом, это был типичный стиль холостяка: мебель минималистична, декор в скандинавском стиле, но вещи разбросаны повсюду. На диване лежало несколько вещей, стопка книг, планшет и блокнот с ручкой. В гостиной было мало что ещё, рядом с холодильником стояла небольшая доска, на которой были нарисованы кривые и уравнения, а также строки закорючек,

напоминающих научные заметки.

Андре вдруг неожиданно сказал:

— Скажи, у вас, китайцев, есть какая-то особая расовая предрасположенность к математике?

В этот момент мужчина вышел из спальни, переодевшись в лёгкую одежду. Он взял бутылку виски у Андре, налил немного в стакан и, подняв его, произнёс:

— У нас просто раньше начинается математическое образование, я уже говорил тебе об этом. И ещё, я вернулся, чтобы сообщить тебе, что наш план близок к успеху.

Андре не удивился этому. Ещё месяц назад его партнёр уехал в Нью-Йорк, и Андре знал, зачем. Они учились вместе в бизнес-школе Пенсильванского университета, и до этого Андре никогда не думал, что будет работать с китайцем, не говоря уже о создании совместного дела.

Не то чтобы у Андре были сильные расовые предрассудки. Он унаследовал от итальянской культуры романтическую и открытую натуру, которая особенно ярко проявлялась в выборе партнёрш — Андре никогда не испытывал барьеров из-за цвета кожи, языка или культурных различий, когда речь шла о восхищении красивыми женщинами. В его натуре действительно не было сильной ксенофобии.

Но дружба и выбор партнёрши — это разные вещи.

Выбирая партнёршу, можно восхищаться человеком просто за его внешнюю красоту, даже пропуская множество этапов, и создавать эмоциональную связь через простые жесты, даже если вы говорите на разных языках, ведь язык тела — это тоже язык.

Но дружба, особенно партнёрство, — это совсем другой уровень общения, это столкновение и притирка характеров, мировоззрений и культур. Для людей, выросших в разных цивилизациях, Андре не считал, что они могут легко найти общий язык.

Однако, когда в первый год учёбы в Пенсильванском университете ему назначили китайского соседа по комнате, это изменило его прежние стереотипные представления о Китае.

Вспоминая их первую встречу в общежитии, этот китайский студент был одет в спортивную одежду и сидел на диване за компьютером. Увидев, что кто-то вошёл, он поднял голову, встал и дружелюбно протянул руку:

— Привет, меня зовут Сюй Хао, можешь звать меня Хейл.

Андре в тот момент растерялся и сразу спросил:

— Японец? Или... китаец?

Этот вопрос был немного бестактным, но собеседник не проявил ни малейшего смущения или обиды, а спокойно и с улыбкой ответил:

— Китаец.

Он сделал паузу и добавил:

— Не знаю, слышал ли ты о провинции Шаньси в Китае, но, кстати, у нас там очень вкусная лапша.

Почему-то Андре почувствовал, что этот Хейл, говоря о лапше из своего родного города, испытывал странную уверенность и даже превосходство.

Но, когда речь зашла о еде, особенно о лапше.

Как итальянец, Андре сразу почувствовал, как кровь приливает к голове.

Андре никак не ожидал, что первый шаг к крепкой дружбе с китайцем начнётся с обсуждения того, чья лапша вкуснее — итальянская или шаньсийская, а затем перерастёт в дебаты о том, чья кухня круче — итальянская или китайская.

Что касается Сюй Хао, то первое впечатление, которое он произвёл на Андре, было приятным и интересным.

<http://bllate.org/book/16583/1515148>